

ВЛАДИМИР КУНИН

КЫСЯ В АМЕРИКЕ

ФТМ

2022

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Кунин, В.

Кыся в Америке [Роман]. / Владимир Кунин. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 380 с.

ISBN 978-5-521-74528-9

Полюбившийся читателям кот Мартын в поисках своего хозяина едет в Америку. Здесь его ждут новые подвиги и приключения, в результате которых он добирается до Вашингтона и знакомится с самим президентом США Клинтоном, его семьей и любимцем американцев, котом Клинтона Соксом. Много опасностей и испытаний приходится пережить Кысе, прежде чем найти своего хозяина и обрести наконец счастье.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74528-9

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019

**ДАВАЙТЕ ПЫТАТЬСЯ ДЕРЖАТЬСЯ ДРУГ ДРУГА
В НЕПРОЧНЫХ ПРЕДЕЛАХ ПОРОЧНОГО КРУГА...**

На следующее утро я, никем не замеченный, аккуратно покинул свой инструментальный ящик, проскочил через все машинное отделение, быстренько отыскал противопожарный ящик с песком и сделал все свои, сами понимаете какие, дела. Они из меня буквально рвались наружу!

Я тщательно все закопал передними лапами поглубже, притоптал задними и отметил про себя, что ничего лучшего, чем наш обычный русский противопожарный песочек, для Кошачьих дел Человечество не придумало.

На иностранных судах я не плавал и поэтому не имею понятия, чем они там тушат свои пожары. Но, повторяю, когда за бортом плещет вода и этим своим звуком дико провоцирует и усиливает твоё желание немедленно опорожнить себя, — дороже ящика с песком ничего и вообразить нельзя!

Поэтому, что бы там ни говорили, будто во времена Советской власти все было плохо и неправильно, я, Кот Мартын, в просторечии — Кыся, от имени всего нашего Вида совершенно искренне восклицаю:

— Да здравствуют наши советские пожарники — самые мудрые пожарники во всем мире!!!

Потом я привел себя в максимальный порядок — умылся, прилизался, пригладился и придал своей исполованной хамской роже относительно интеллигентное выражение. Насчет своей внешности у меня никогда никаких заблуждений не было. Чего Бог не дал — того не

дал. Зато Он вознаградил меня целым рядом других замечательных качеств. Ими я и беру.

И вот с этим слегка фальшивым выражением на собственной харе я и отправился представляться Капитану.

Вычислить Капитана было плевое дело.

Дело в том, что ночью мой сладкий сон в ящике был прерван тем, что КТО-ТО спустился в машинное отделение и, перекрывая шум двигателей, начальственно гаркнул:

— Привет, маслопупы!

Как я потом выяснил, «маслопупы» или «мотыли» были узаконенными кличками для машинных команд на всех судах российского флота. Ну, вроде как я — «Кыся»...

— Привет, маслопупы! — прокричал этот неведомый мне тип, и я сразу же почуял, как в густой и теплый воздух машинного отделения, наполненного запахами перегоревших масел, раскаленного металла, пропотевших человеческих тел и старых кроссовок, незримыми нитями стали неожиданно вплетаться запахи «Данхилла» — сигарет, которые курил мой дорогой мюнхенский друг Фридрих фон Тифенбах; запах хорошего одеколона, напоминающий одеколон профессора фон Дейна; и чем-то неуловимо женским... Так всегда пахло от Шуры Плоткина, когда он возвращался домой от какой-нибудь барышни. Или когда какая-нибудь барышня уходила от нас, оставляя мне измочаленного Шуру, пропахшего ее запахом.

— Алексею Ивановичу — пламенный с кисточкой!

— Привет, Кэп!..

— Салют, Мастер! — услышал я из своего ящика под верстаком.

— Как дела, дед? — спросил Алексей Иванович-Кэп-Мастер.

— Нормально, капитан, — ответил чей-то дед, и я понял, что Алексей-Иванович-Кэп-Мастер и есть тот самый Капитан, которому я обязан представиться и постараться понравиться с первой же секунды нашего знакомства.

А то, что Дед — это просто кличка старшего механика тридцати лет от роду, это я понял только на следующий день.

Но сейчас выскакивать из своего инструментального ящика и начинать раскланиваться перед Капитаном, и выдрючиваться, стараясь изо всех сил понравиться ему, на глазах у всей машинной команды, было бы по меньшей мере идиотизмом. А ну, как ему захочется при подчиненных проявить свою безраздельную власть в открытом море, и он прикажет вышвырнуть меня с судна к едрене-фене?! Или я ему со своим рылом вообще не покажусь?.. Я ведь, как говорится, НА ЛЮБИТЕЛЯ. Что тогда?..

Ну уж херушки, как сказал бы мой замечательный кореш Водила. Знакомиться будем с глазу на глаз. Это всегда слегка уравнивает шансы. Выгоднее и безопаснее. Я рисковать не имею права. Мне в Нью-Йорк нужно попасть — кровь из носу. Тут я не только о себе должен думать — там Шура меня ждет. А это вам не хвост собачий...

Я постарался запомнить все запахи Капитана, свернулся калачиком и снова задремал.

А уже утром я сделал все то, с чего начал свой рассказ.

Когда я говорил, что отыскать Капитана Алексея-Ивановича-Кэп-Мастера было для меня плевым делом, я

ничуть не преувеличивал. В моем активе были все его характерные запахи, профессиональное использование которых было дано мне от рождения. Как абсолютное зрение в крошечной темноте. И как уйма других потрясающих Котово-Кошачьих качеств, так выгодно отличающих нас от всех остальных живых существ.

Основная трудность была для меня — преодоление многочисленных корабельных дверей: высоченные металлические пороги, автоматически защелкивающиеся замки и невероятной тяжести железные двери, которые так просто лапой не откроешь.

Поэтому у каждой двери приходилось подолгу ждать, пока кому-нибудь из команды не понадобится пройти именно в эту дверь, и нужно было успеть незаметно юркнуть вслед этому типу.

И чертова уйма лестниц! Так как я начал свое путешествие по судну снизу — из машинного отделения, то пока я по следу капитанских запахов добрался до верхнего коридора, все эти двери и лестницы меня просто вымотали. Не физически. Нервно.

Тут еще на мою беду, когда мне казалось, что я уже почти достиг цели, Капитанско-Мастерские запахи стали неожиданно раздваиваться! Часть из них влекла меня к центральной двери этого коридора, откуда раздавались голоса и команды, а вторая часть уводила вниз к другой, коротенькой, лесенке, вправо от этих центральных дверей.

Должен признаться, что на мгновение я растерялся. Однако, на мое счастье, снизу вдруг примчался какой-то мужик в сапогах, комбинезоне и вязаной шапочке и постучал в эту дверь.

Дверь отворилась, и оттуда высунулся молоденький паренек в свитере и огромной фуражке.

— Чиф, Мастер на мостике? — спросила вязаная шапочка у огромной фуражки.

— Чего ему тут делать? — ответила фуражка шапочке. — Он на мостике всю ночь проторчал. Имеет право человек отдохнуть после вахты?!

И я понял, что Капитана за этими дверями нет.

Тип в сапогах, комбинезоне и шапочке ссыпался вниз по большой лестнице, а я прямиком направился к маленькой, короткой.

Спустившись на несколько ступенек вниз, я увидел Дверь с красивой золотой табличкой, на которой что-то было написано. Концентрация капитанских запахов в этом тупичке была максимально сильной.

Но самое замечательное, что еле уловимый элемент женских запахов, который я с трудом различил ночью, лежа в инструментальном ящике под ремонтным верстаком машинного отделения, здесь ощущался столь явно, что я даже слегка обалдел!..

Кроме того, из-за двери я услышал хриплое мужское дыхание и очень ритмичные слабенькие женские повизгивания, не оставляющие никаких сомнений в действиях, совершаемых за этой дверью.

Ручаюсь, что никто из Людей даже шороха не услышал бы из-за такой двери. А я услышал!

И вдруг сам так завелся, что в башку мне полезли десятки Кошек, которых я когда-либо трахал!.. Не говоря уже о моей верной немецкой подружке — карликовой пинчерихе Дженни, которую вопреки всей зоологической науке о несмешении Видов я хотел в любое время дня и ночи!

Я даже вспомнил оттобрунновскую Лисичку, которую я «оприходовал» со смертельным риском для собственной жизни.

Ах, Кошечку бы мне какую-нибудь сейчас сюда! Любую! Даже самую завалашенькую!.. Я бы ей показал «небо в алмазах», как говорил Шура Плоткин, совершенно не имея в виду ни небо, ни алмазы.

Но как изредка замечал умнейший и интеллигентнейший Фридрих фон Тифенбах, «все в жизни имеет свое логическое завершение».

Кончил хрипло дышать и Капитан Алексей-Иванович-Кэп-Мастер. Вскрапнул коротко, будто жеребец, и кончил. В последний раз тихонько взвизгнула обладательница женских запахов.

А потом я услышал негромкий разговор в Капитанской каюте.

Это мог услышать только Я! Никто из Людей, даже вплотную приложивший ухо к этой двери, никогда не услышал бы ни единого слова.

Мне же казалось, что я даже вижу, как Женщина может в душе, а Капитан Алексеей-Иванович-Кэп-Мастер закуривает свой «Данхилл» и натягивает на себя голубой адидасовский тренировочный костюм. Я только лиц не мог разглядеть...

— А в городе ни разу не позвонил... — огорченно проговорила Женщина.

— В городе у меня семья, — спокойно сказал ей Капитан. — Дочь-невеста, сын-придурок и жена.

— А я как же?..

— Ты кто по судовой роли?

— Буфетчица.

— Так какие проблемы?

— Бедная я, бедная... — горько сказала Женщина.

— Ты бедная?! — презрительно переспросил Капитан. — Я в Питере с женой всего десять дней, а с тобой в море — четыре месяца. Потом неделю дома, и на полгода с тобой в рейс. И так уже третий год. Так кто из вас беднее — ты или моя жена?

Женщина промолчала.

— И кстати! Еще одного таракана увижу в кают-компании — спишу с судна к чертовой матери. Ясно?

— Да... Мне идти?

— Иди.

Дважды повернулся ключ в замке, дверь приоткрылась, и из Капитанской каюты вышла молодая Женщина с припухшими глазами. Стараясь не задеть хвостом ее ноги, я незаметно проскочил в каюту.

Тут же на всякий случай я спрятался за выступом какого-то шкафчика, и получилось, что я совершенно инстинктивно прошмыгнул именно туда, где меня не было видно; но сам я обрел превосходную позицию для обзора и наблюдения.

Оказалось, что Капитанская каюта состоит из двух просторных комнат. Первая, куда я влетел без спросу, была кабинетом — с письменным столом и компьютером, кожаным диваном и двумя креслами. Над диваном висела в раме под стеклом большая красочная фотография низкого, длинного парохода, уставленного железнодорожными контейнерами. Как потом выяснилось, этот пароход и был тем самым «Академиком Абрамом Ф. Иоффе», на котором я сейчас имел честь присутствовать...